

УДК 008+72+7.0

«СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» – МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И АРХИТЕКТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Чапля Татьяна Витальевна, доктор культурологии, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории культуры и музеологии, Институт истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, РФ). E-mail: chap_70@mail.ru

Архитектура является одним из самых древних искусств, сопровождающих человека в его истории. Соответственно изучение отношений между архитектурой и человеческим обществом, анализ их взаимовлияния друг на друга составляет предмет исследования гуманитарных наук. Целью статьи является анализ архитектурного пространства в категориях «свой» – «чужой» с позиций теории коммуникации. Показано, что теория коммуникации и методы семиотики позволяют рассматривать архитектурное пространство не только как текст, который представляет своему «читателю» возможность построить с ним отношения, но и как систему, в рамках которой субъект в зависимости от степени освоения предложенного текста может, а иногда вынужден действовать определенным образом. В статье выявлено, что система отношений внутри архитектурного пространства может выстраиваться по двум схемам: «Я – Ты» или «Я – Другой». Автором обосновано, что эти схемы можно рассматривать как механизмы реализации понятий «свое» или «чужое», освоенное или неосвоенное пространство. В итоге сделаны выводы, что понятие «своего», «Я – Ты – пространства», возникает в том случае, когда человек может реализовать в нем все свои потребности, социальные роли и желаемые способы взаимодействия без ущерба для своей личности. В противном случае следует говорить о «чужом», «Я-Другом-пространстве», которое не поддается осмыслению и вызывает в субъекте чувство отстраненности или отчуждения. Соответственно средства и способы организации архитектурного пространства наглядно демонстрируют его связь с историей развития человеческого общества и системой организации отношений внутри него.

Ключевые слова: архитектура, архитектурное пространство, коммуникация, культура, искусство.

“FRIEND” – “FOE,” THE MODEL OF INTERACTION BETWEEN MAN AND ARCHITECTURAL SPACE

Chaplya Tatyana Vitalyevna, Dr of Culturology, PhD in Sociology, Associate Professor, Professor of Department of Theory, History of Culture and Museology, Institute of History, Humanities and Social Education, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: chap_70@mail.ru

Architecture is one of the most ancient arts that accompany man through history. Therefore, research of the relationship between architecture and human society, analysis of their mutual influence is the subjects of humanitarian sciences studies. The aim of the article is to analyze the architectural space in the categories “friend” – “foe” from the standpoint of the theory of communication. The article shows that the theory of communication and semiotic methods allow us to consider the architectural space not just as a “text” which gives its “reader” the opportunity to form a relationship with it, but also as a system in which a subject can or sometimes forced to act in a certain way, depending on the degree of the proposed “text” exploration. The article reveals that the system of relations within the architectural space can be build according to two schemes: “I am a friend” and “I am a foe.” The author proved that these schemes may be regarded as mechanisms for implementing “friend” or “foe” concepts, as in explored and non-explored space. As a result, it was concluded that the concept of “friendly” or “I am a friend” space occurs when a person able to implement his needs, social

roles and desirable ways of interaction in it without compromising his identity. In the other case, we should talk about “alien” or “I am a foe” space, which cannot be comprehended and causes subject to feel detached or estranged. Thus, means and methods of architectural space structure demonstrate its connection to the history of human society development and to the system of inner relations organization in it.

Keywords: architecture, architectural space, communication, culture, art.

История человечества протекала и протекает в границах архитектурного пространства, изучение которого всегда будет одной из актуальных тем. Целью данного исследования является изучение архитектурного пространства в контексте категорий «свой» – «чужой» с позиции теории коммуникации. Изучение коммуникации, ее структуры – это большой пласт исследований, проведенных в рамках философии, культурологии, социологии, коммуникологии и других дисциплин. Исследование процессов освоения пространства в категориях «своего» и «чужого» будет опираться на коммуникативные модели, разработанные В. А. Подорогой [10] и способы осмысления семиотического пространства, представленные в трудах Ю. М. Лотмана [7].

Способ существования и функционирования архитектурного пространства может рассматриваться как способ построения отношений между человеком и архитектурой как видом искусства, оказывающего, как правило, авторитарное воздействие на своих потребителей. Процесс взаимосвязи между человеком как субъектом коммуникации и архитектурой как вторым субъектом (Другим) может выстраиваться в контексте рассуждений В. А. Подороги [10] двумя способами. При этом вид коммуникативной стратегии зависит от позиции субъекта (Я) по отношению к Другому. В первом случае «Я», в какое бы пространство оно ни попадало, всегда может чувствовать себя внутри него комфортно. То есть это пространство для него понятно, читаемо, идентифицируемо. В этом случае пространство как форма существования «Другого» выступает в роли второго «Я» – «своего».

Во втором случае «Я», попадая в то или иное архитектурное пространство, начинает чувствовать не его «близость» себе, а, напротив, удаленность, чуждость, неуютность. То есть пространство становится «чужим», «Я» не в состоянии его прочесть, понять, как оно может существовать внутри него. Возникает ситуация, когда «Я не в силах больше формировать собственные

стратегии чувственности, Я лишуюсь присутствия в мире... Субъект испытывает коммуникативный шок: поглощаясь Другим, он становится объектом» [10, с. 55].

В итоге можно видеть, что ситуация, в которой «Другой», архитектурное пространство в нашем случае, воспринимается как мое второе «Я», позволяет мне комфортно существовать в своем окружении, в противном случае, когда «Другой» воспринимается как чужой, пространство читается как «предельный образ моей чуждости самому себе, как всякая угроза...» [10, с. 55]. В любом случае эти две модели взаимодействия между «Я» и «Другим» постоянно присутствуют в нашем мире, именно благодаря им мы понимаем, где находятся «свои», а где «чужие», и в соответствии с этим выстраиваем свое поведение. Если следовать логике Е. Наумовой, то понятие «своего» и «чужого» можно трактовать в контексте частного и публичного пространства, которые присутствуют в жизни каждого человека: «...В силу того, что режимы близости связаны с модусами публичной и приватной вовлеченности, максимизация режимов близости людей и вещей может способствовать созданию частной/приватной сферы, а более точно – пространства собственности на мир...» [9, с. 250].

В контексте расшифровки посылаемых нам сообщений рассуждает Ю. М. Лотман. С его точки зрения, наши коммуникативные отношения могут строиться двумя способами в зависимости от кода, используемого при передаче и приеме информации. В первой ситуации передается некоторый объем информации от одного участника коммуникации к другому и он не меняется в рамках акта коммуникации. В другом случае происходит прирост информации или ее переформулировка, «причем вводятся не новые сообщения, а новые коды, а принимающий и передающий совмещаются в одном лице. В процессе такой автокоммуникации происходит переформирование самой личности, с чем связан весьма широкий круг культурных функций – от необходимого че-

ловеку в определенных типах культуры ощущения своего отдельного бытия до самопознания и аутопсихотерапии» [7, с. 84].

В роли кодов, согласно Ю. Лотману, выступают разного рода тексты, которые асемантичны и потому могут рождать и переорганизовывать смыслы. Самым наглядным примером этих кодов выступают, по мнению ученого, объекты, предназначенные для созерцания, к каковым он и относит архитектуру. А так как архитектурное пространство воспринимается органами чувств, «оно не только воздействует на личное общение через обусловливание ряда коммуникационных систем, но и прямо стимулирует коммуникантов, влияя на непосредственно передаваемый поток информации» [9, с. 331]. Следовательно, архитектуру можно рассматривать и оценивать как форму передачи информации через органы чувств.

Архитектура, в отличие от других явлений культуры, с точки зрения коммуникации является знаком, для которого означаемым выступает собственное функциональное значение. Так, по мнению У. Эко «основное значение какого-то здания – это совокупность действий, предполагаемых проживанием в нем» [19, с. 213]. Именно в архитектуре рождается семиотическое пространство, которого нет в природе. Поэтому она изначально сталкивается с ситуацией отсутствия семиосферы, в силу того, что она расположена в физической реальности. Следовательно, по мнению Г. Ревзина [12], архитектура вынуждена создавать знаковую сферу для подыскивания ей пространственного аналога. Но в основе этой необходимости лежит постоянное разделение человеком своего окружения на две системы: мир существующий – реальный и не существующий – потусторонний. И главное стремление человека на протяжении его истории – построить равновесие между этими двумя мирами, а архитектура выступает в роли одного из средств или способов разрешения этого поиска.

С точки зрения В. В. Федорова, архитектуру и окружающий ландшафт можно рассматривать как коммуникацию, потому что «в пространствах социального бытия архитектурно-ландшафтная среда выступает как: 1) продукт определенной эпохи; 2) отражение материальной стороны жизни индивида, социальной группы, социума в целом; 3) материально воплощенный способ

хранения и передачи информации; 4) способ коммуникации и 5) форма существования культуры. А поскольку она представляет собой систему элементов-знаков, упорядоченных (в композиционном, гармоническом и смысловом отношении) по “синтаксическим” правилам, то может... трактоваться как архитектурный текст» [17, с. 3]. То есть В. В. Фёдоров подходит к архитектуре как тексту, с позиции тех ощущений, которые вызывают у человека те или иные формы, элементы, линии и их сочетания.

Изучением архитектуры как вычислительной машины, способной реагировать на пользователя – жильца и взаимодействовать с ним, занимался Н. Негропonte [23]. На архитектуру как явление, вызывающее в нас отчуждение, смотрят Р. Колхас и Б. Мау [21]. Причину этого они видят в том, что архитектура существует на протяжении жизни не одного поколения, и в связи с этим она теряет те смыслы, которые в нее вкладывали современники. Возможностями современных архитектурных проектов, связанных с управлением поведением, обеспечивающим эффективную коммуникацию в зданиях, путем создания «социального дизайнера», занимаются Н. Норужи, М. Шабак, М. Р. Б. Эмби и Т. Х. Хан [24]. Исследованием организации социального пространства архитектуры с помощью цифровых технологий, сопоставления изображений, исторических и фактических потоков перемещений занимается Дж. Пеллегри [25]. Она считает, что при разработке проектов помещений необходимо опираться на визуальную и историческую память и следить за сочетанием местности и представлений о ней человека в строящихся зданиях.

К числу глобальных феноменов, затрагивающих широчайшую сферу коммуникации, принадлежит интернет-пространство, которое развивается предельно стремительно, вовлекая все новые вертикальные и горизонтальные коммуникативные траектории. Как отмечает исследователь культурной памяти, профессор Ольга Лойко, коммуникативная составляющая «культурной памяти в современном пространстве Интернета возрастает, передавая ценности и смыслы мира культуры» [22, с. 2]. В связи с этим становится актуальной проблема сохранения в городах особых мест, связанных с определенной историей, историческими событиями тех или иных этни-

ческих групп. Способам сохранения в быстроме­няющейся среде социального пространства, спо­собствующего сохранению традиций, посвящена работа М. Сягян [27].

К. Вотсон, Дж. Иванс, Э. Карвонен, Т. Вит­ли [28] провели исследование возможностей ор­ганизации перемещения людей внутри зданий в искусственно созданных условиях с целью выявить динамику взаимодействий, которые воз­никают между людьми в искусственной среде, и способы улучшения эффективности этих взаи­модействий через моделирование различных со­циальных контекстов. Авторы пришли к выводам, что моделирование искусственной среды не все­гда отвечает потребностям людей, следовательно, необходимо учитывать исторически сложившуюся систему означивания пространства зданий в за­висимости от их функциональности.

Архитектуру как способ управления чело­веком на уровне взгляда рассматривает Ф. Пре­вик [26]. Он пишет о том, что все, что связано у человека с воспоминанием о далеких мечтах и о прошлом, о Боге, в состоянии медитативного транса заставляет его направлять взгляд вверх. В организации внутреннего пространства архи­тектуры это используется при строительстве вы­сотных зданий, особенно церковных, где освеще­ние организовано таким образом, что человек невольно, при входе в большое помещение, освещенное в верхней части, вынужден поднимать глаза, и у него возникает чувство соединения ку­пола и неба.

Процессами управления людьми с помощью организации их перемещений внутри помеще­ний занимается А. В. Иконников. По его мнению, организация архитектурного пространства под­разумевает не только управление направлениями перемещений, задаваемых структурой простран­ства, но и теми направлениями, которые задаются положением тела субъекта: вперед и назад, впра­во и влево, «эти направления не существуют вне связи с конкретной позицией, но имеют большое значение для организации поведения» [5, с. 45].

Рассмотрим примеры организации архитек­турного пространства с позиции «своего – чу­жого» и способы, с помощью которых это про­странство начинает оказывать влияние на людей. Древний человек, как и современный, всегда воспринимал внешнюю среду как нечто несущее

угрозу: «внешнее может угрожать мне своей не­предсказуемой неподконтрольностью: оно может не заметить меня, разрушить или создать для меня условия, несовместимые с жизнью» [1, с. 176]. Именно страх перед неизвестностью, исходящей от внешнего, «чужого» пространства, стал при­чиной развития архитектуры как способа защи­ты от внешней угрозы. Первое с чего начинается оформление пространства в древности – это воз­ведение стены. Именно она впервые провела гра­ницу между своим миром и чужим, причем если в древности эта стена читалась как естественное укрытие, находящееся внутри природы, то позд­нее стена стала возвышаться над землей и стоять отдельно, то есть человек уже противопоставил свой мир и мир природы. Одновременно с возве­дением явной границы между двумя мирами эта же граница становится и проницаемой благодаря появлению дверей и окон. Так, например, в древ­нейшей китайской традиции «ничто не связывает так сильно внешнее и внутреннее пространство, как дверь и окно. Поэтому предпринимались разнообразные способы защиты своего жилища от проникновения злых духов. Все двери и окна выходят ко двору, и внутри и вне дверей разме­щаются ширмы или экраны, каждое помещение снаружи закрытого типа, и в них своя жизнь» [15, с. 76]. Можно сказать, что мир «свой» и «чу­жой» оказываются бинарными оппозициями, ко­торые, с одной стороны, разделяют пространство, а с другой – объединяют его.

В дальнейшем эта же стена начинает воз­действовать на человека и его поведение своей высотой: «Плоскость высотой 70 см формирует пространственное поле, практически лишенное ощущения замкнутости. При высоте в половину человеческого роста начинает появляться ощущение некоторой отгороженности, хотя зрительная слитность с соседними пространствами продол­жает сохраняться. Когда высота вертикальной плоскости достигает уровня глаз, она начинает от­делять одно пространство от другого. Плоскость выше человеческого роста прерывает всякое про­странственное единство между соседствующими зонами и создает ощущение полной замкнутости пространства» [18, с. 131]. В связи с такими спо­собами влияния вертикальных перегородок сегодня организуются офисные помещения, где отделе­ние одного рабочего места от другого происходит

с помощью перегородок, всегда на уровне между полным ощущением приватности и полным ощущением отсутствия границ. В этом случае человек оказывается на границе двух пространств, ни одно из которых не может стать полностью «своим» или полностью «чужим». Человек тем самым должен существовать «на границе», что не позволяет ему чувствовать себя на работе, как дома, и должно стимулировать его профессиональные качества, приоткрывая границы «чужого» пространства и порождая конкуренцию.

Примерами выделения пространства «своего» и «чужого» могут быть отношения, возникшие у обитателей коммунальных квартир в Советском Союзе. Так, согласно И. В. Утехиной, территория коммунальной квартиры делилась на «места общего пользования и приватные комнаты жильцов, отражающие два взаимодополнительные аспекта в жизни человека в коммунальной квартире: вынужденное публичное взаимодействие с соседями в быту и в частной жизни» [16, с. 27]. Автор подчеркивает, что основным отличием публичного пространства является то, что оно принадлежит всем и никому, то есть оно относится к пограничной сфере мира «своего» и «чужого». Следовательно, к нему жильцы будут относиться как к пространству утилитарному. Это означает, что каждый будет стремиться извлечь из него максимум пользы для себя, не нарушая при этом баланса интересов всех жильцов, если это не является его целью.

Балансирование жителей коммунальных квартир на границах пространства «своего» и «чужого» порождает особенности его существования. Каждый раз, в зависимости от того, кто находится в рамках публичного пространства, поведение жильцов будет меняться, а, следовательно, символическое наполнение этого пространства тоже будет иным. В силу того, что люди вынуждены всегда находиться на виду, в рамках каждой коммунальной квартиры могли складываться свои способы поведения и формироваться свои социальные роли, которые разыгрывались в пределах публичного пространства, например, кухни. Каждый из жильцов, находясь в этом пространстве, подпадает под действие двойного характера: с одной стороны, это достижение определенной цели, а с другой – публичная реализация нормы. Так как достижение цели

происходит в рамках публичного пространства, то постепенно действие ритуализируется, становится стереотипным, что позволяет избегать множества конфликтных ситуаций. В итоге формируется поведенческое пространство, которое «кодирует собой социальную структуру сообщества и организует развертывание символических форм поведения... Членение семиотически организованного пространства на «свое» и «чужое», «приватное» и «публичное» опосредует повседневное поведение в рамках «нормального хода вещей»» [16, с. 45].

Использование в организации архитектурного пространства параллельных линий связано с направлением потоков перемещений. Это, как правило, организация перемещений по коридорам, переходам, холлам внутри зданий и по улицам, бульварам, паркам внутри городского пространства. Чем более светопроницаемым является переход, тем более открыт он всеобщему обозрению, соответственно он будет популярен у людей, стремящихся к постоянному общению, экстравертам, и менее будет уютен для людей, стремящихся к уединению. Аналогичное прочтение имеют и лестницы: «с процессом восхождения по лестнице связано... стремление к уединению, отстранению, в то время как спуск вниз внушает более чувство защищенности, безопасности, твердой земли под ногами» [18, с. 272]. Подобного рода «проходное» пространство, как правило, не воспринимается, как нечто, требующее глубокого освоения. К этим пространствам складывается обычно чисто практическое отношение, которое должно способствовать быстрому и безопасному перемещению из одного «своего» пространства в другое.

Формированию в обществе понятий «своего» и «чужого» пространства способствует государственная политика в области строительства. Государство и власть оказывают влияние на формы и способы социального взаимодействия путем строительства государственных учреждений и жилищ разного предназначения и рассчитанных на людей с разным достатком. Как отмечает М. Г. Меерович, «за счет дефицита жилища в условиях, когда его можно получить “из рук государства”, власть направляет миграционные потоки в нужную ей сторону... в местах, куда требуется привлечь рабочую силу, начинается

строительство не комфортного, не благоустроенного, но способного предоставить хоть какую-то крышу над головой жилища – бараков, рабочих гостиц, общежитий...» [8, с. 99].

Также власть управляет своими гражданами с помощью использования при строительстве архитектурных стилей, соответствующих и ассоциирующихся с определенными функциями и символами. В. А. Сомов пишет, что «общие идеологические установки призваны были определять элементы социальной жизни, быта, личной и интимной сфер» [14, с. 19]. Так при строительстве банковских сооружений чаще всего обращаются к классической архитектуре, к ордерным системам, которые должны вызывать у человека чувство уверенности, устойчивости, рациональности. Как правило, государственные здания, расположенные на территории города являются воплощением коллективных ценностей, «своего» общественного пространства, к которому необходимо относиться с почтением. В истории неоднократно можно наблюдать, что высотные дома были символами общественно значимых ценностей и центров жизни. В Средние века – это храмы и ратуши, позднее – дворцы и залы собраний, судов. К. Скотт отмечает, что «размер зданий, памятников и улиц не просто демонстрировал особый масштаб и богатство города, но служил для создания представления о масштабе и богатстве всего государства» [13, с. 80]. В наше время перемещение интересов с общественных на частные привели к изменениям в структуре заказчиков зданий. Власть переместилась в руки транснациональных корпораций, которые начали свои функции «помечать» знаками своей власти – «храмами корпораций – башнями небоскребов. К началу нового века главными вертикалями городов стали офисы различных компаний или претендующие на особую элитарность жилые дома» [11, с. 253].

Постепенно, начиная с XIX века, сложилась конструкция школы как учебного государственного учреждения. Именно разработка типовых проектов школ связана с политикой государства по организации времени и перемещений в пространстве подрастающего поколения с целью реализации властных функций. Дисциплинарное воздействие школьного пространства проявляется, по мнению Э. Гидденса [3], в разделении классных аудиторий, в расстановке мебели. Благодаря та-

кой детальной проработке внутреннего помещения класса, возможно контролировать не только перемещение движущихся потоков детей, но и их позы, движения и жесты. Длительное пребывание детей в школе приводит к тому, что ребенок постепенно привыкает к дисциплине, к подчинению себя, своих мыслей заведенному порядку, то есть «чужое», неосвоенное пространство становится «своим», знакомым, привычным, комфортным.

В современной ситуации, когда архитектура стала более независима от государственной власти и связана с разными слоями общества, они сами диктуют формы и типы строящихся зданий. Тем не менее сложившаяся схема продолжает работать. Например, при возведении здания офиса архитектор может использовать навесную стену, так как благодаря сочетанию стекла и стали сооружение воспринимается более холодным, упорядоченным, безличным, то есть здание становится метафорой деловой жизни, рационального планирования и коммерческих сделок.

Завоевание современной культуры связано с тем, что наше время дало человеку возможность строить свою жизнь отдельно от других людей, даже от членов собственной семьи. В такой ситуации перед архитектурой встала задача организации жилого дома таким образом, чтобы он стимулировал в жильцах формирование чувства привязанности к дому, что на языке семиотики означает, сделать так, чтобы «Другой – дом» стал «Ты – Я», своим. По замечанию К. Элларда, «наше отношение к своему жилищу зависит от того, насколько сильно мы ощущаем, что контролируем его, – то есть от степени, в которой нам удастся приспособить собственный дом под свою индивидуальную психологию, используя самые разные средства – от семейных реликвий, до таких простых элементов декора, как краски, обои или плакаты» [20, с. 84].

XX век принес в архитектуру потребность в разработке новых форм домов, которые бы отвечали потребностям большинства людей и выполняли типичные для всех людей функции. Как писал Ле Корбюзье, «дом имеет двойное назначение. Прежде всего это машина для жилья... машина, предназначенная оказывать нам эффективную помощь в скорейшем и правильном выполнении работы, машина быстрая, способная удовлетворять наши потребности в комфорте. Кроме того, это место, пригодное для размыш-

лений и, наконец, красивое место, где нашему уму создается столь необходимый ему покой...» [6, с. 72].

В любом пространстве, окружающем человека, согласно М. Б. Вильковскому [2], можно выделить институциональную сферу, которая включает в себя все совокупности социальных отношений и социальные подсистемы. К таковым относятся семья, соседи, круг друзей и знакомых, профессиональная группа, политическая система и т. п. Система межличностных отношений в существующем архитектурном пространстве и ожидания определенного поведения пересекаются и реализуются в таких действиях и формах жизнедеятельности, как принятие пищи, сон или повседневность. В зависимости от того, насколько грамотно будет организовано внутреннее пространство помещения, позволяющего субъекту реализовывать эти свои потребности, не вступая в конфликт с другими членами сообщества, можно судить об эффективности протекающих внутри коммуникаций и о степени освоенности пространства, стало оно «своим» или осталось «чужим».

По мнению исследователей, «в архитектуре, как сложной информационной системе, кодирова-

ние информации происходит на трех достаточно независимых уровнях – общей пространственной композиции (учет объективных закономерностей пространственного восприятия); отражение структурной организации объекта (структура – форма); информации (смысловой контекст архитектурного образа)» [4, с. 85].

Таким образом, модели взаимосвязи в системах «Я – Ты» или «Я – Другой» применительно к пространству архитектуры представляют собой механизмы реализации понятий «свое» или «чужое» пространство, освоенное или неосвоенное пространство. Понятие «своего», «Я – Ты – пространства», возникает в том случае, когда человек может реализовать в нем все свои потребности, социальные роли и желаемые способы взаимодействия без ущерба для своей личности. В противном случае следует говорить о «чужом», «Я – Другом – пространстве», которое не поддается осмыслению и вызывает в субъекте чувство отстраненности или отчуждения. Соответственно средства и способы организации архитектурного пространства наглядно демонстрируют их связь с историей развития человеческого общества и организацией отношений внутри него.

Литература

1. Вайзер Т. Эгоцентризм и интересубъективность во взаимоотношениях человека и окружающей среды // Логос. – 2014. – Т. 97, № 1. – С. 171–186.
2. Вильковский М. Б. Социология архитектуры. – М.: Русский авангард, 2010. – 592 с.
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. – М.: Академ. Проект, 2003. – 528 с.
4. Гутнов А. Э., Лежава И. Г. Будущее города. – М.: Стройиздат, 1977. – 126 с.
5. Иконников А. В. Художественный язык архитектуры. – М.: Искусство, 1985. – 175 с.
6. Ле Корбюзье. Архитектура XX века. – М.: Прогресс, 1977. – 306 с.
7. Лотман Ю. М. Избр. ст.: в 3 т. Т. 1. Ст. по семиотике и топологии культуры. – Таллин: Александра, 1992. – 472 с.
8. Меерович М. Г. Жилищная политика в СССР как средство социального управления (1917–1941) // Социол. исслед. – 2014. – № 1. – С. 95–101.
9. Наумова Е. Социология «градов» Л. Болтански и Л. Тевено и «режимы вовлеченности» в капитализм // Социол. обозрение. – 2014. – Т. 13, № 3. – С. 246–251.
10. Подорога В. А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX веков. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2013. – 552 с.
11. Птичникова Г. Объекты глобальной архитектуры в пространстве российского города: проблема соответствия контексту // Архитектура и социальный мир. – М.: Прогресс – Традиция, 2012. – С. 250–264.
12. Ревзин Г. Очерки по философии архитектурной формы. – М.: ОГИ, 2002. – 132 с.
13. Скотт К. Идентичность и меняющаяся роль столиц в эпоху глобализации // Логос. – 2013. – № 4 (94). – С. 57–108.
14. Сомов В. А. Феномен советскости: историко-культурный аспект // Социол. исслед. – 2015. – № 2. – С. 12–20.
15. Тихомирова Е. Е., Чжао Ц. Когда жилище становится домом: смысловое наполнение в китайской и русской культурах // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. – 2012. – Т. 8, № 4. – С. 74–79.
16. Утехин И. В. Очерки коммунального быта. – М.: ОГИ, 2004. – 277 с.

17. Фёдоров В. В. Архитектурный текст: Очерки по восприятию и пониманию городской среды. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 160 с.
18. Чинь Фрэнсис Д. К. Архитектура: форма, пространство, коммуникация. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 399 с.
19. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с.
20. Элллард К. Среда обитания: Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. – М.: Альпина Паблишер, 2017. – 288 с.
21. Koolhaas R., Mau B. S, M, L, XL. – New York: Monacelli Press, 1997. – 1376 p.
22. Loiko O. P. The Cyberspace in relation to the cultural memory // Innovation Management and Education Excellence Vision 2020: Regional Development to Global Economic Growth. – Milan, 2016. – P. 68–73.
23. Negroponte N. The Architecture Machine: Toward a More Human Environment. – Cambridge: MIT. Press, 1973. – 164 p.
24. Nima Norouzi, Maryam Shabak, Mohamed Rashid Bin Embi, Tareef Hayat Khan The Architect, the Client and Effective Communication in Architectural Design Practice // Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 172, 27 January. – P. 635–642.
25. Pellegrini Giulia Survey and Drawing Representation of Architecture and Environment: Different Teaching Approach for Architect and Engineers // Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 174, 12 February. – P. 4090–4095.
26. Previc F. The Dopaminergic Mind in Human Evolution and History. – Cambridge: Cambridge University Press, UK, 2009. – 224 p.
27. Siagian Morida Social Space as People-gathering Tool // Social and Behavioral Sciences. – 2016. – Vol. 234, 31 October. – P. 265–270.
28. Watson Kelly J., Evans James, Karvonen Andrew, Wtittley Tim Capturing the social value of buildings: The promise of Social Return on Investment (SROI) // Building and Environment. – 2016. – Vol. 103, July. – P. 289–301.

References

1. Vayzer T. Egotsentrizm i intersub'ektivnost' vo vzaimootnosheniyakh cheloveka i okruzhayushchey sredy [Egocentrism and intersubjectivity in relationship between humans and the environment]. *Logos [Logos]*, 2014, vol. 97, no. 1, pp. 171-186. (In Russ.).
2. Vil'kovskiy M.B. *Sotsiologiya arkhitektury [Sociology architecture]*. Moscow, Russkiy avangard Publ., 2010. 592 p. (In Russ.).
3. Giddens E. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii [Dispensation of society: outline of the structuration theory]*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2003. 528 p. (In Russ.).
4. Gutnov A.E., Lezhava I.G. *Budushchee goroda [The future of the city]*. Moscow, Stroyizdat Publ., 1977. 126 p. (In Russ.).
5. Ikonnikov A.V. *Khudozhestvennyy yazyk arkhitektury [The artistic language of architecture]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1985. 175 p. (In Russ.).
6. Le Korbyuz'e. *Arkhitektura XX veka [Architecture of the XX century]*. Moscow, Progress Publ., 1977. 306 p. (In Russ.).
7. Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i: v 3 tomakh. Vol. 1. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury [Selected articles in 3 volumes. Vol. 1. Articles on semiotics and cultural topology]*. Tallin, Aleksandra Publ., 1992. 472 p. (In Russ.).
8. Meerovich M.G. Zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo sotsial'nogo upravleniya (1917–1941) [Soviet Union housing policy as a means of social control (1917–1941)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research]*, 2014, no. 1, pp. 95-101. (In Russ.).
9. Naumova E. Sotsiologiya “gradov” L. Boltanski L. Teveno i “rezhimy вовлеченности” v kapitalizm [Sociology of “grads” L. Boltanski and L. Thévenot and “modes of engagement” in capitalism]. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological Review]*, 2014, vol. 13, no. 3, pp. 246-251. (In Russ.).
10. Podoroga V.A. *Metafizika landshafta. Kommunikativnye strategii v filosofskoy kul'ture XIX-XX vekov [Landscape metaphysics. Communication strategies in the philosophical culture of XIX-XX centuries]*. Moscow, Kanon+ROOI “Reabilitatsiya” Publ., 2013. 552 p. (In Russ.).
11. Ptichnikova G. Ob'ekty global'noy arkhitektury v prostranstve rossiyskogo goroda: problema sootvetstviya kontekstu [Global architecture objects in space of the Russian city: the problem of the fitting in the context]. *Arkhitektura i sotsial'nyy mir [Architecture and social peace]*. Moscow, Progress Traditsiya Publ., 2012, pp. 250-264. (In Russ.).
12. Revzin G. *Ocherki po filosofii arkhitekturnoy formy [Essays on the architectural form philosophy]*. Moscow, OGI Publ., 2002. 132 p. (In Russ.).
13. Skott K. Identichnost' i menyayushchayasya rol' stolits v epokhu globalizatsii [The identity and the changing role of capital cities in the era of globalization]. *Logos [Logos]*, 2013, no. 4, pp. 57-108. (In Russ.).